

В юности люди выбирают себе профессию. По этой дороге они и шагают, но вдруг начинают замечать, что их тянет куда-то в сторону, на боковую тропинку. Здесь как будто немного спокойней, можно отдохнуть от суеты и напряженного движения по своей центральной магистрали — отдохнуть и снова вернуться на свою дорогу.

Эти боковые дорожки появляются тогда, когда своя, основная, утомляет. А утомляет она тогда, когда работаешь с полной отдачей сил, с сознанием ответственности и долга. Это может быть физическая или умственная работа — неважно. Плотник, ударивший два раза топором и устраивающий «перекур», или артист, с легкостью дающий пять «концертов» в вечер, — не утомляются, а если и говорят, что устали, — не верьте им.

Так вот я стал мечтать о боковой дорожке, на которой мог бы отдохнуть.

Бывало еду с шофером и слышу: «Очень тяжелая наша работа. Целый день нервное напряжение. Того и гляди либо ты кого-нибудь стукнешь, либо тебя стукнут. Вот в выходной — красота! Приду в клуб песни петь — я в самодеятельности — и отдыхаю...».

А я сижу с ним рядом и думаю: «Очень нервная моя работа. Публика, критика, вкусы. И казалось бы, пора привыкнуть, ан нет, чем дальше, тем волнительней. А вот сажусь за руль машины, и все как рукой снимает. Веду машину и отдыхаю. Самодеятельность!».

Знаю ученых, академиков, которые целый выходной день копаются с лопатой в саду.

Великий Шаляпин рисовал, лепил. Замечательный актер Остужев занимался токарным ремеслом. Примеров таких можно привести сколько угодно.

Так вот, со мной случилось то же самое. Много лет я был самодеятельным шофером, и это меня увлекло.

Сейчас настала пора раздумий.

Много видел, много помню, о многом мечтаю рассказать. Рука тянется к перу, когда отдыхаю. Писатель, когда пишет, — работает, это его основная профессия. Я, когда пишу, — отдыхаю. Это моя, как говорится, вторая профессия.

«Лучший город в мире»

Знаете ли вы, что такое Одесса?

Нет, вы не знаете, что такое Одесса!

Много есть на свете городов, но такого больше нет. Посмотрите на Одессу с моря. Рай! Посмотрите с берега! То же самое. Да что говорить! Когда одесситы хотят сказать, что кому-то хорошо живется, они говорят: «Он живет, как бог в Одессе»... Вот что такое Одесса.

Одесситы

Я не знаю, кто виноват. Солнце, море, небо, но под этим солнцем, у этого моря, под этим небом рождаются особые люди.

Может быть, виноват Пушкин? Может

быть, это он оставил в Одессе поэтические флюиды? Но обратите внимание: Юрий Олеша, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Эдуард Багрицкий, Семен Кирсанов, Исаак Бабель — все это одесские мальчишки, создавшие «одесский период» русской литературы.

Среди них затесалась и девчонка — Вера Инбер.

Ах, одесские мальчишки! Они не ходят, а бегут. Они не говорят, они поют. Их темперамент, их музыкальность, их поэтические сердца могут накормить весь мир искусством.

«Потемкин»

«Гордо реет буревестник».

Не в воздушных просторах. Мощной стальной грудью рассекает он волны Черного моря, плывя к берегам Одессы. И зовется буревестник — «Потемкин».

Тельняшки! Почему за вашим пестрополосатым узором горят большие сердца? Бескозырки? Почему под вами гнездятся вольные мысли? Матросы! Почему с ваших соленым ветром обветренных губ срываются слова: «Долой палачей!», «Свобода!».

К Одессе идет «Потемкин». На борту пулей сраженный смельчак матрос Вакулинчук.

«Потемкин» больше не служит царю. Он служит революции.

Одесса в смятении. Котелки и шляпы в ужасе. Платочки и кепки в волнении.

«Потемкин» стоит за волнорезом на рейде. Вакулинчук лежит в палатке на молу. «Один за всех — все за одного» — надпись на груди Вакулинчука.

Бесконечной вереницей тянутся к палатке рабочие, портовые грузчики, студенты, гимназисты.

Потемкинцам надо есть. Надо пить. Одесса! Дай героям пищу, дай воду! Но все это в руках у «котцов города», а им не по пути с Буревестником. Они хотят измором взять непокорившихся.

Не выйдет...

На шаландах, на яликах с Пересыпи, с Малого, Среднего и Большого фонтанов рыбаки, рабочие везут «Потемкину» все, что могут оторвать от своих скромных возможностей. Делятся последним.

Мало, мучительно мало.

Тогда пушки на центр города.

Революция ставит ультиматум:

«Или вы нам пищу, или мы вам залп».

Подействовало.

«Потемкин» разворачивается, поднимает красный флаг и, простившись поднятыми бескозырками, гордо уносит свою славу в даль времен.

Одесса в Ленинграде

1944 год. 10 апреля. Город-герой начинает прихорашиваться. Кое-где в окнах уже

появились стекла, правда, маловато. Фанера все еще напоминает о пережитом. Людей на улицах мало, очень мало.

Веселое апрельское заходящее солнце. Дворцовая набережная пустынна. Никого. Я иду по набережной. Мне радостно, мне хорошо. Я люблю Ленинград. Где-то вдали слышен голос Левитана, такой знакомый и торжественный. Но репродуктор далеко, и я не различаю отдельных слов. Только понимаю, что это очередное радостное сообщение. О чем это он?

Спросить некого. Я один на набережной. Вдруг из двери одного из домов выбегает молодой человек в фуражке моряка торгового флота. Он идет, притопывая и как бы танцуя.

— Товарищ, — говорю я ему, — о чем это Левитан?

Он прижимает руки к груди и, задыхаясь, говорит:

— Боже ж мой, Одессу же ж освободили! А я же ж одессит.

— Я тоже одессит, — радостно говорю я.

— Да ну! А как ваша фамилия?

— Утесов.

— Ой, боже ж мой, так вы же ж одесский консул.

И вот стоим мы, обнявшись, два одессита на пустынной набережной Ленинграда. Одесса в Ленинграде.

Год 1964

Сегодня 10 апреля 1964 года. Двадцать лет со дня освобождения Одессы. Я здесь.

Одесса! Моя Одесса! Как блудный сын я возвращаюсь к тебе, мама.

Я иду по платановому тоннелю Пушкинской улицы. Я вижу тебя, я слышу тебя, мой чудесный город — город-герой, город-весельчак, город-красавец.

Гляжу и восхищаюсь. Слушаю и смеюсь. Я снова разглядываю тебя, Одесса. Ты и такая, ты и другая. Вот она, Соборная площадь. Здесь когда-то стоял собор, вокруг чахлые деревца да памятник. Сейчас здесь чудесный парк. Густой, зеленый. Когда он успел вырасти? Ах, как быстро летит время!

А вот и городской сад. Здесь мы играли в модную игру «казаки-разбойники». Сад был чахлый и «разбойникам» было трудно скрываться. Сейчас здесь зелень так густа, что в ней может спрятаться целый полк.

За городом новые районы. Они так же не похожи на старую Одессу, как новые районы Москвы на старую Москву. Деловито, удобно, широко.

Люди тоже изменились.

Правда, «атавистические признаки» одесситов остались: жизнерадостность, юмор, музыкальность, общительность, но появилось и нечто новое: хорошая гордость за свой город. Чувствуется эдакое: «Да, мы умеем смеяться и петь, но мы умеем и воевать, если это надо».

«Я восторгаюсь, тобой, дорогая мама, и перо хочет рисовать твой сегодняшний образ. Мама, ты вовсе не стара. Наоборот, ты помолодела».